

В письме к Кугельману (12 апреля 1871 года) Маркс, восторгаясь революционной инициативой парижских пролетариев в период Коммуны, писал: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан!» (Маркс и Энгельс. Т. XXVI, стр. 105).

Ленин также не раз отмечал исключительную революционную активность трудящихся масс во время Коммуны, их творческое политическое чутье, благодаря которому начал создаваться новый тип государства — пролетарское государство, — несмотря на отсутствие сознательного руководства со стороны социалистических фракций. На VII съезде РКП(б) Ленин говорил: «Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили чутьем гениально почувствующих масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (Ленин. Т. XXII, стр. 352).

Девятимесячный период с момента крушения монархии (4 сентября 1870 года) до гибели Коммуны (28 мая 1871 года) был исключительно бурным и насыщенным. Пролетарские массы Парижа сделали попытку создания первой в истории пролетарской диктатуры. Свергнув монархию Наполеона III, парижские рабочие в несколько недель добились поголовного вооружения, создали массовую национальную гвардию и организовали свой революционный орган — «ЦК 20 округов». Этот орган опирался на местные «Комитеты бдительности», контролировавшие всю работу местной администрации и объединявшие всю революционную работу в округах.

Среди многочисленных форм массовой организации в Париже особое место занимают рабочие клубы и народные (публичные) собрания, которые до 4 сентября 1870 года были фактически под полицейским запретом.

Современники обычно насчитывали 15—17 парижских клубов в период осады (Моллари, Сарсе и др.). Изучение печати того времени показывает, что число клубов достигало 40. Конечно, не все они существовали весь период осады. Одни возникли,

другие исчезали, по около половины действовало почти все время осады.

Наиболее влиятельными были клубы на рабочих окраинах. Единичные клубы в буржуазных кварталах быстро погибали.

Клубы помещались обычно в разных общественных помещениях — в кафе-концертах, в залах для танцев, театральных помещениях, школьных зданиях и т. п. Популярный клуб в зале «Марсельеза» (в Ла-Виллетт) представлял собой большой сарай с земляным полом. Скамьи были деревянные, из нестроганных досок. Помещения для танцев и кафе-концертов имели более благоустроенный вид. За вход в клуб брали обычно 10—15 сантимов (тогда как в буржуазных клубах брали 50 сантимов).

Уже в конце октября родилась мысль о создании «Лиги клубов», или «Центрального клуба». В газете «Combat» от 28 октября 1871 года республиканские социалистические клубы приглашались на собрание для организации этого объединения. Инициатива принадлежала «ЦК 20 округов».

В номере «Patrie en danger» от 28 ноября сообщалось об организации Центрального клуба.

Во главе Центрального клуба должен был стать комитет из 160 человек (по 8 делегатов от округа). Членами «Центрального клуба» могли быть члены республиканских социалистических комитетов 20 округов, делегаты республиканских социалистических клубов Парижа, делегаты рабочих обществ, делегаты французских и иностранных легионов добровольцев, делегаты разных социалистических и республиканских групп и т. п.

Наряду с клубами большую роль играли и многочисленные публичные собрания. Клубы имели регулярные выборные президиумы. Они заранее устанавливали порядок дня, список ораторов и иногда имели формулированную программу. Клубы иной раз собирали своих постоянных участников даже на закрытые заседания. Таким образом, клубы были довольно организованной формой массового движения. Публичные собрания имели характер обычных митингов, где президиум избирался каждый раз заново, выступления заранее не намеча-

лись, всякий мог проходить туда без всяких ограничений. Публичные собрания также решено было объединить, чтобы «связать их в один пучок» («roug faire un faisceau»). На заседании бланкиетского клуба «Patrie en danger» 9 сентября была выделена специальная комиссия в составе видных бланкиетов — Тридона (председатель), Эда, Гранже и др. — с целью посещения других народных собраний и их объединения.

На многолюдном собрании в Бельвиле 9 октября, где присутствовало до 2 тысяч человек, снова был поднят вопрос об объединении деятельности публичных собраний с тем, чтобы резолюции, принятые в одном собрании, обсуждались и голосовались и в других. Таким образом предполагалось достигнуть единства мнений и решений. Для этих целей собрание избрало комиссию из 7 человек (Ранье, Валлес, Удэ, Вайар, Везинье и др.) и предложило всем другим собраниям тоже выделить по 7 человек, а затем всем соединиться для создания «Центрального Совета» (см. «Patrie en danger» № 34 от 14 октября).

Клубы и народные собрания приобрели крупнейшее значение в деле мобилизации пролетарских масс в период осады Парижа. Здесь обсуждались все важнейшие политические вопросы и требования к правительству, здесь шла подготовка масс к активным выступлениям. Восстание париж-

ских рабочих 31 октября 1870 года (когда была сделана первая попытка создать Коммуну) и восстание 22 января 1871 года были в значительной мере подготовлены широкой массовой агитацией клубов.

Именно клубы выставили ряд важнейших требований к правительству, которые смогла осуществить только Парижская коммуна. Так например требования о передаче мастерских рабочим кооперативам, об отсрочке квартирной платы, о реквизиции имущества буржуазии, покинувшей Париж, об упразднении полицейской префектуры, об отмене бюджета церкви, о введении светского обучения и т. д. были выдвинуты рабочими клубами еще до Коммуны.

Правительство Национальной обороны после восстания 22 января прежде всего поспешило закрыть все парижские клубы. С этого времени вплоть до 18 марта (то есть до провозглашения Коммуны, которая отменила запрещение клубов) клубы были лишены возможности развернуть свою деятельность.

2

С первых дней существования Коммуны старые, излюбленные помещения клубов и собраний: Медицинская школа, зал Мольера, театр «Серафен», «Казино» на улице

Каде и др.— снова были открыты для народа. С этого времени особенно широко использовались помещения церквей для заседаний клубов и собраний. Около 20 парижских церквей было в той или иной мере использовано для собраний, причем в 12—15 церквях заседания клубов и собраний происходили регулярно.

Ряд церквей был целиком использован под клубы, в других Коммуна разрешала богослужения в дневные часы с тем, чтобы по вечерам церковь использовалась под клуб или собрание. Обычно под клуб отводилось все помещение церкви, стол президиума помещался перед алтарем, кафедра проповедника служила кафедрой для ораторов. Над алтарем на время заседания клуба вывешивалось красное знамя Коммуны. В церкви Сен-Пьер в Монруже были сделаны специальные перегородки, и церковь была разделена между членами клуба и верующими. Клубу было отведено центральное место, а покам передали главный алтарь, часовни (приделы) и подземеелье. Главным входом пользовались посетители клуба, боковыми дверями—верующие. Но скоро произошло столкновение членов клуба с верующими, церковные ключи были отобраны Коммуной, и церковь была целиком передана клубу. В тех церквях, где церковные службы были прекращены, красное знамя висело все время и церковное помещение специально приспособлялось для клубной работы.

Вход в клубы бывал чаще всего бесплатный, иногда при входе собирали на тарелку по 5—10 сантимов.

Из массы парижских клубов особенно выделялись: клуб в церкви «св. Николая-на-полях», «Клуб революции» (в церкви Сен-Бернар), клуб «Социальной революции» в Батиньоле (в церкви Сен-Мишель) и др.

Из клубов, размещенных в гражданских помещениях, наибольшей популярностью пользовались клубы в Медицинской школе, в зале Мольера, в зале «Марсельеза», во «Дворце чудес» и др.

Среди клубов был «Клуб женщин-патриоток», не имевший постоянного помещения и собиравший своих членов в разных местах.

В небольшой церкви «Потр Дам де Плезанс» (в 14-м округе) был организован клуб Национальной гвардии. Главной темой обсуждения в этом клубе был вопрос о мобилизации средств для обороны Парижа. Именно в этом клубе обсуждались мероприятия по изготовлению бомб Орсини.

Одним из наиболее влиятельных был клуб, помещавшийся в церкви «св. Николая-на-полях» (на улице Сен-Мартен). Члены этого клуба сперва собирались в небольшом зале Мольера, а затем пе-

ренесли свои заседания в эту очень обширную церковь. Первое заседание клуба в церкви состоялось 25 апреля, собралось до 5—6 тысяч человек. С 4 мая было разрешено присутствовать на заседаниях клуба женщинам.

Заседания начинались и кончались хоррвым пением «Марсельезы». Этот клуб издавал свой бюллетень, в первом номере которого говорилось: «Народ управляет сам через свои публичные собрания, через свою печать; оказывая давление на своих представителей, они никогда сами не пойдут слишком далеко по революционному пути».

Задача клуба формулировалась так: «Коммунальный клуб имеет целью бороться с врагами наших коммунальных прав, наших свобод и республики; защищать права народа, давать ему политическое воспитание, дабы он мог управлять сам собою, напоминать нашим избранныкам о принципах, если они их забудут, и поддерживать их во всем, что они предпримут для спасения республики, в особенности же провозглашать суверенитет народа, который никогда не должен отказываться от своего права контроля над действиями своих уполномоченных» (А. Молок «Очерки быта и культуры Парижской коммуны», стр. 67).

О революционной решимости и бдительности массы членов этого клуба говорит резолюция от 30 апреля, которая требовала введения закона о подозрительных, уста-

новления коммунальных заседаний, где избиратели могли бы требовать отчета у своих избранников, лишения гражданских прав торговцев, которые прекратили торговлю из-за недоверия к Коммуне, расстрела всех граждан, которые откажутся служить республике с оружием в руках.

Среди ораторов этого клуба были члены Коммуны: Жоанар, Амуру, Везинье.

Очень влиятельным был также клуб в церкви Сен-Мишель в Батиньоле. Этот клуб всегда был переполнен; среди собиравшихся в нем было много женщин. Здесь часто выступали видные члены Коммуны — Шален, Малон, — член Интернационала Комбо и др. Особенно часто выступал здесь председатель батиньольской секции Интернационала Легалите.

Буржуазные элементы подготовили взрыв этого клуба, но аббат этой церкви отговорил организаторов этого покушения, опасаясь разрушения здания.

В церкви «Сент-Амбруаз» (на площади Вольтера) был организован «Клуб пролетариев» («Club des prolétaires»). В нем перед началом каждого заседания на кафедре поднимали красный флаг, по окончании его снимали и уносили. Здесь продавалась газета «Пролетарий». Председателями и членами бюро клуба были Морель, Вердье, Давид (он же редактор газеты «Пролетарий»), капитан Гетье и др. Секретарем бюро клуба была прачка Андрэ. Из ораторов, выступавших в клубе, выделялись члены ЦБ Национальной гвардии Брюнель и Дюваль, директор тюрьмы Рокетт — Франсуа, — сапожник Дюран. Последнее заседание клуба происходило 23 мая, уже во время «красной недели». В дни боев клуб был использован как склад оружия, пороха, бомб и пр. Помещение клуба было занято версальцами только 28 мая.

Вот два свидетельства очевидцев, враждебных Коммуне, о характере выступлений в клубах.

Протестантский пастор Эдмонд де Прессансе, описывая открытие клуба в церкви «св. Николая-на-полях», пишет: «Церковь была освещена, как в дни больших праздников; громадная толпа заполняла центральный неф и боковые приделы, шумливая и горланявшая толпа приветствовала неистовыми аплодисментами всякое резкое предложение. Присутствовало много женщин, многие с детьми на руках. Бюро заседало у алтаря, и председатель звонил в колокольчик, употребляемый при обедне. Ораторы входили на кафедру. Один из ораторов по поводу декрета о ломбардах требовал, чтобы заложенные вещи были целиком переданы бедным, а вещи богатых отобраны у них. Одна из гражданок восклицала: «Вот это хорошо! За это-то я и люблю Коммуну!» Другая ораторина вы-

ступала против церкви, обвиняя ее в «тупости, лживости, в эксплуатации народа» (E. de Pressensé «Les leçons du 18 mars 1871», p. 65—66).

Другой очевидец — писатель Эдмонд Голкур, — описывая открытие клуба в церкви «Сент-Эташ» (7 мая), говорит, что присутствовавшие не проявляли «никаких признаков святотатства». Один из ораторов говорил об ответственности членов Национального собрания за войну и предлагал заставить их отвечать своим имуществом. Второй требовал применения террора к врагам Коммуны, третий — обысков у буржуазии. Член Коммуны Дюран, разъясняя смысл декрета о выдаче заложенных в ломбарде вещей, говорил, что коммунары — не «рагадеих», то есть не сторонники всеобщего дефежа имущества, что самое главное — разрешить социальную проблему, изменить условия жизни рабочих («Journal des Goncourt». Вторая серия. Т. I, стр. 293—294).

В конце заседания клуба все присутствовавшие пели хором «Марсельезу» и другие революционные песни, обычно под орган.

3

Особенно активную деятельность клубы развернули в конце апреля и в первой половине мая. В начале мая была создана «Федерация клубов»; во главе ее стоял комитет, в который вошло по 3 делегата от каждого клуба. В воззвании комитета Федерации клубов выставлялись такие задачи: «1) защищать республику и поддерживать принципы Коммуны; 2) обсуждать предложения и посылать Коммуне те решения, которые будут одобрены комитетом; 3) держать повседневную связь с Коммуной, получать от нее все сведения о военных действиях и сообщать их по клубам». Ко времени опубликования воззвания 11 клубов уже присоединились к комитету Федерации («Vengeur» № 39 от 7 мая).

Социальная революция, создание нового общества, свержение буржуазии — вот та центральная тема, которая постоянно обсуждалась в клубах, на собраниях, в любом месте.

Известный композитор Бизе рассказывает, как два монмартра сказали ему на улице: «Прикончим реакцию, спасем социальную» (то есть социальную революцию).

В один из самых аристократических церквей Парижа — «Сен-Рош» — однажды, во время воскресной службы, какой-то старик стал кричать: «Да здравствует Ком-

муна! Да здравствует социальная революция!» Верующие ринулись к выходу.

Лозунг социальной революции часто раздавался в клубах и в народных собраниях, но содержание, вкладываемое в этот лозунг, было еще очень неопределенным: обычно речь шла не о социалистическом строе, а о довольно туманной программе социальных и революционных мер, направленных на обуздание буржуазии, на расширение прав трудящихся.

Идеи научного социализма Маркса — Энгельса были в Париже в то время еще мало известны. Пролетарская масса знакомилась с социалистическими теориями через мелкобуржуазные учения социалистов-утопистов, бланкистов, прудонистов и т. п. В дни Коммуны, по словам Ленина, «социалистический пролетариат делился на многие секты» (Ленин и т. XII, стр. 163).

Рабочему классу нелегко было преодолевать эти многочисленные ошибочные теории, мешавшие ему утвердиться на позициях научного социализма.

Однако в клубах и на собраниях очень часто ставился коренный вопрос о ликвидации эксплуатации человека человеком.

Вот как, например, характеризовал новое общество председатель клуба в церкви

«Сент-Эдуа»: «Мы создадим новое общество, общество по-настоящему демократическое и социальное, где никогда не будет ни бедных, ни богатых, потому что богатые, если они останутся, будут обязаны отдавать все свое добро бедным (продолжительное «браво», неистовые аплодисменты и голос: «Надо начать с того, чтобы обуздать Ротшильда») (Fontoulieu «Les églises de Paris sous la Commune», стр. 62). Одна из ораторш в клубе в церкви «Трините» говорила: «По-нашему, в первую очередь надо покончить с социальным бедствием, с эксплуатацией рабочих хозяевами, которые богатеют рабочим потом. Долой хозяев, которые считают рабочих какой-то производственной машиной!

Пусть рабочие объединяются в ассоциации, соединяют свой труд, и они станут счастливыми. Другой язвой современного общества являются богачи, которые только пьют, забавляются и ничего не делают. Их надо выкорчевать с корнем так же, как попов и монахинь. Мы не будем счастливы, пока не исчезнут хозяева, богачи и попы» (там же, стр. 272).

Луиза Мишель в клубе «Сен-Сюльпис» говорила: «Пришел великий день, решающий день для освобождения пролетариата либо для его порабощения. Больше смелости, граждане, больше энергии, граждан-

ки,—и Париж будет наш! Для народа это вопрос жизни или смерти».

Одна из парижских работниц выступила в клубе в районе Пасси со следующими смелыми словами: «Коммуну мы теперь имеем и никогда от нее не откажемся... Наш враг, буржуа, будет уничтожен. Не будет больше ни попов, ни буржуа. Кто жиреет от народного пота? Буржуа. Кто строит пышные хоромы в то время, как народ живет в жалких мансардах? Кто отказывается драться в то время, как Версаль избивает народ? Опять-таки буржуа. Нет, нет, нет, не нужно ни буржуа, ни попов. Пусть церкви превратятся в мастерские, а буржуа и попы пусть трудятся. Нет, не нужно ни монахинь, ни монахов: это бездельники. Они толкуют о боге, о небе, но разве они когда-нибудь его видели?» (Valatièr «Paris insurgé», стр. 23).

Клубы выносили решения об обуздании буржуазии, о конфискации ее имущества. В клубе, помещавшемся в церкви «св. Николая-на-полях», было выдвинуто ставшее популярным в массах требование о том, чтобы контрибуция пруссакам была оплачена «имуществом и золотом тех, кто бежал от осады и не хотел драться за свободу». Тот же клуб требовал конфискации имущества всех, кто имеет ренту свыше 6 тысяч франков в год.

Трояль (председатель клуба в церкви «Сен-Северен») в письме к Рито (руководителю префектуры Коммуны, а затем прокурору Коммуны) сетовал на слабость Коммуны и заявлял, что будь он членом Коммуны, он добился бы того, чтобы «прикопчить буржуазию одним ударом». Для достижения этой цели надо, по его мнению, овладеть Французским банком, расстрелять всех, кто не пойдет на фронт, передать 200 миллионов в кассу Интернационала, обеспечить семьи раненых и убитых, вернуть немедленно все заложенные в ломбарде вещи, дать по 5 тысяч франков волонтерам.

Неправильная политика Коммуны по отношению к банку, ее непоследовательность в деле экспроприации буржуазии, а также излишняя терпимость к ней вызывали недовольство народных масс, требовавших более решительных мер. Как и Маркс осуждая эту непоследовательность, Ленин писал: «Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости» (Ленин. Т. XII, стр. 163).

В клубах раздавались возгласы с требованиями применения террора по отношению к имущим классам.

В клубе при церкви «Сен-Кристоф» (или, как обычно говорили, в «Клубе Кристофа»)

сапожник Сильдман требовал ареста всех «реаквов» (то есть реакционеров). Собрание поддерживало это требование криками: «Долой богатей!»

В клубе «Сен-Северен» (5-й округ) Мартен, содержатель молочной, один из популярных, постоянно выступавших ораторов, требовал «конфискации всей собственности, разрушения всех дворцов и замков и казни буржуазии».

Клубы поддерживали решения и декреты Коммуны, а также не раз проявляли собственную инициативу, внося свои дополнения или изменения в постановления Коммуны. Так например клуб в церкви «Сен-Бернар» предложил упразднение магистратуры (то есть судебных чиновников) и аннулирование кодекса законов, передачу всех работ и подрядов Коммуны в руки различных рабочих организаций, закрытие публичных домов и т. д. Клуб требовал видоизменения декрета Коммуны о ломбардах, предложив новый текст, а именно: «Заложенные в ломбардах вещи возвращаются бесплатно, но только защитникам города и тем лицам, которые имеют на это право по своему положению» (газета «Paris libre» от 14 мая).

Клуб «Сен-Жермен Оксерруа» требовал введения удостоверений о гражданстве («Cartes de civisme»), как в 1793 году. Коммуна позднее ввела нечто вроде удостоверений личности.

Исключительно интересно выступление одной прачки, проработавшей 40 лет без отдыха и не имевшей возможности отдохнуть даже в новый год и на пасху. Она говорила: «Если бы я была правительством, я бы устроила таким mannerом, чтобы и рабочие могли в свою очередь отдохнуть. Я бы заставила построить дома за городом, где бы рабочие могли бы отдохнуть (конечно, не все сразу) и чуточку развлечься. Если бы народ имел каникулы, как и богачи, он бы так не жаловался. Вот что я вам хотела сказать, граждане» (L. Vaillon «Sous le drapeau rouge», стр. 81—82. P. 1889).

Эта мечта парижской прачки о право трудящихся на отдых не могла быть осуществлена Парижской коммуной, являвшейся первой попыткой пролетариата установить свою рабочую власть. Право трудящихся на отдых смогло осуществиться только победоносная пролетарская диктатура в СССР, закрепившая это право в Сталинской Конституции.

Еще накануне Коммуны парижские рабочие требовали ликвидации ряда учреждений буржуазного государства: полиции, постоянного войска, бесконтрольного чиновничества,—отделения церкви от государства и т. д. Ряд решений этого рода Коммуна провела, разрушая таким образом

старый аппарат буржуазного государства и создавая новый.

Интересно, что даже по проведении Коммуной декрета об отделении церкви от государства пролетарское население Парижа требовало более решительных мер борьбы против церкви. Ненависть трудящихся масс Парижа к церкви, к попам, к монахам была очень велика. Католическая церковь своей контрреволюционной ролью не меньше чем полиция и чиновничество заслужила эту ненависть народа. Католические попы, выступая в роли своеобразной тайной полиции государства, пытались держать в своих руках мысли и чувства народа; они действовали через проповеди и исповеди, через обучение в школе, через монахинь, засевших в больницах, через благотворительные общества.

Когда в дни Коммуны первая церковь была отбрана у духовенства и посвящена Марату (в качестве усыпальницы великих людей Пантеона), весь Париж праздновал победу и радовался, что вместо креста на куполе и на фронте церкви развевается красное знамя.

Для характеристики отношения народных масс Парижа к религии и к попам интересны выступления ораторов клуба в церкви «Сен-Сюльпис». Один из ораторов говорил, подняв лицо к куполу церкви: «Бог небесный, которого называют всемогущим,— ты только ложь, ты не существуешь. Если ты существуешь, я подстрекаю тебя и вызываю тебя. Если ты не простой трус, ты опустишься на этот алтарь, который мы оскорбили, и я вонжу кинжал в твоё сердце».

В ряде клубов принимались решения об арестах и даже об истреблении попов и монахов. Народ поддерживал требование казни архиепископа, арестованного Коммуной в качестве заложника.

Клуб в церкви «Сен-Бернар» требовал, чтобы монахини в лазаретах были вволю заменены светскими сестрами и нянями, так как монахини «оскорбляют защитников Коммуны своими словами и действиями».

Клубы предлагали ввести светское образование, свободу развода, гражданский брак и т. д. Гражданка Леблон (в клубе при церкви «Сент-Элизабет») внесла предложение установить пенсию для многолетних женщин, учитывая необходимость иметь для родины защитников.

Особенно большое внимание уделяли клубы вопросам обороны Парижа, обсуждая на своих заседаниях вопросы о методах борьбы, средствах вооружения, о борьбе с дезертирством и т. д.

Клубы были единодушны, требуя непримиримой, без компромиссов, борьбы против версальцев. Они яростно разоблачали

согласителей, выступавших время от времени в парижской печати и в разных организациях Парижа с компромиссными предложениями. Так например 1 мая делегация клуба в церкви «св. Николая-на-полях» заявила Коммуне, что всякий, кто заключится о перемирии с версальцами,— изменник.

Клубы решительно выступали против дезертиров. В клубе при церкви «Тринитэ» старуха, прозванная «матушка Дюшен», предлагала применять самые беспощадные меры против дезертиров. «Надо беспощадно карать всех, кто противится Коммуне,— говорила она,— надо заставить всех мужчин идти на фронт, а отказывающихся расстрелять. Если завтра расстреляют сотню дезертиров (а это немного)... вы увидите, что послезавтра массы людей пойдут служить Коммуне... Наше правительство хочет поджарить яичницу, не разбивая яиц,—это невозможно. Напротив, надо разбить еще много яиц».

Женщины призывали своих мужей смело идти в бой за Коммуну, и сами вступали в ряды бойцов Коммуны. Натали Лемель, которая перед войной вместе с Варленом организовывала кооперативную столовую «Мармит», говорила в клубе при церкви «Тринитэ»: «Мы полошли к великому моменту, когда нужно уметь умереть за родину. Долой слабость и неуверенность! Все в бой! Все должны выполнить свой долг! Надо раздавить версальцев!» Она сама сражалась на баррикадах на площади Пигаль и затем была арестована и обслана.

Известная «Матрасница» из клуба при церкви «Тринитэ» предлагала производить реквизиции вещей в богатых кварталах, что совершенно не практиковалось во время Коммуны. «Матрасница» указывала на то, что «в наших лазаретах нет ни белья, ни матрацов, а это все имеется в домах богачей... Наши мужья и наши братья, запитанные Париж, часто не имеют самого необходимого, в то время как другие имеют все в избытке. Надо всех уравнивать при помощи обысков и реквизиций».

В клубах обсуждали вопрос об изготовлении вооружения, бомб и т. д. В клубе при церкви «Сен-Мишель» была оглашена петиция 200 национальных гвардейцев, предлагавшая организовать выделку оправляющих снарядов в борьбе против версальцев.

Клубы занимали значительное место в системе организации Коммуны. Видные работники Коммуны и ее члены регулярно выступали на заседаниях клубов. В клубе при церкви «Сент-Эташ» выступали члены Коммуны: Шампи, Шардон, Бланше, Дюран, Внар, Везинье, Вердюр. В клубе при церкви «Сен-Бернар» же раз вы-

ступал заместитель Рито — Ферре; в частности он говорил о необходимости казни заложников. В клубе при церкви «св. Николая-на-полях» выступали члены Коммуны Амуру, Жоаннар, Везинье. В клубе при церкви «Сен-Мишель» (Батиньоль) постоянными ораторами были члены Коммуны Комбо, Шалеп, Малон, член Интернационала Комбо и др. Про Комбо говорили, что «это был самый любимый оратор и его слушали с особенным вниманием. Он говорил неспеша, выбирая свои выражения и хорошо округляя свои периоды... Он не останавливался ни перед каким средством ради торжества восстания».

Шалеп был тоже очень хорошим оратором, и ему часто аплодировали. Он был не только членом Коммуны, но и делегатом в 17-м округе по организации труда, поэтому он пользовался особым влиянием.

В клубе при церкви «Сен-Поль-Сен-Луи» выступали: член Коммуны Арну, активные члены Интернационала Эжен Дюар, Аме и др. В клубе при церкви «Сен-Пьер» выступали члены Коммуны Билльоре, Авуан-сын и др.

Сотни других ораторов выступали в клубах, борясь за дело Коммуны. Многие из них играли крупную роль в округах, являясь организаторами дела обороны Парижа, энергично борясь против врагов Коммуны. Здесь были и начальники и рядовые Национальной гвардии, рабочие и мелкие торговцы, интеллигенты, артисты. Среди ораторов и организаторов клубов было много женщин.

В клубе церкви «Сент-Эташ» выступал бланкист Троэльз, участник революционных выступлений 4 сентября, 31 октября и 22 января. Троэльз провел в революционном комитете 8-го округа резолюцию об образовании Комитета общественного спасения; это решение затем было принято и Коммуной. Когда 5 мая предатель и шпион Люльбо (бывший несколько дней главнокомандующим Национальной гвардией и фактически помогавший Тьеру) выступал в клубе с нападками на Коммуну, Троэльз схватил его за горло и отвел в префектуру. Троэльз часто председательствовал и в клубе «Сен-Северен». Он ставил вопрос перед Коммуной о захвате Французского банка.

Одним из организаторов клубов был известный парижский доктор Тони Муален, человек радикальных взглядов, расстрелянный версальцами во время кровавой недели. Выдающимися организаторами клубов были хромой Руссо (погибший на баррикадах Коммуны) и таможенный служащий Дюран (получивший 5 лет тюрьмы). Эти два человека активно участвовали в организации ряда парижских клубов при

церквях. Руссо был первым председателем клуба при церкви «Сен-Сюльпис».

В этом же клубе выступал по экономическим и финансовым вопросам рабочий-переметчик Люа; здесь же выступали два брата — сапожники Алеман.

В клубе при церкви «Сен-Северен» особенно выделялся вдохновенный и блестящий оратор Жансуле, организатор батальона волонтеров.

В клубе «Сен-Мишель» (Батиньоль) среди ораторов выделялись: старик, прозванный «папаша Дюшен», зарабатывавший себе на пропитание игрой на скрипке на балах, и сапожник Брекье, работавший в полицейской префектуре Коммуны. Они выступали очень резко и нередко критиковали действия Коммуны.

В клубе при церкви «Сен-Пьер» (Монруж) председателем был парикмахер Дарденн, преданный революционер. Во время кровавой недели он обстреливал версальцев с колокольни. Из других членов этого клуба широкой известностью пользовались Даморре, ломовой извозчик, назначенный начальником 15-го легиона, Миар, секретарь-корреспондент секции Интернационала в Монруже, и итальянец Рипци, изобретший «греческий огонь» для борьбы против версальцев.

В клубе при церкви «Сент-Элизабет» (Тампль) среди ораторов был ряд офицеров добровольческих отрядов (Лари, Де-Кервано из отряда «Мстителей Парижа» и др.), странствующий доктор Марио Спани, Жан Адриен, кашельмейстер Коммуны, руководивший оркестром во время шествий маршевых рот в укреплениям, во время похорон, концертов в пользу раненых и т. д.

Во многих клубах выступали ветераны — участники июньского восстания 1848 года, например Дюбар (клуб Элуа), Берре (клуб Сен-Жан) и др.

Исключительную активность проявляли женщины: они не только усердно посещали клубы, но часто выступали. Во многих клубах признанными руководительницами были женщины.

В клубе при церкви «Сен-Мишель» «царицей трибуны» была прачка Лефевр с улицы Лекандр. Это была высокая худая женщина, несколько смуглая, с горящими глазами. Ее муж был одним из комиссаров клуба. Она носила красный шарф и револьвер за поясом. Она выступала почти каждый день, говорила резко и предлагала самые крайние меры. Враги говорили о ней: «Эта прачка была ужасной женщиной; она была фанатически предана Коммуне, опьянена гражданской войной, любила восстание, как другие любят мужа, ради защиты красного знамени она была готова на всякое самопожертвование, но и на всякие эксцессы...

В другой обстановке и при других обстоятельствах она могла бы совершить героические подвиги» (Fontoulien «Les églises de Paris sous la Commune», стр. 224—225).

Это действительно была одна из героинь Коммуны. Она погибла, сражаясь на баррикадах на улице «des Dames».

В «Клубе пролетариев» (в церкви «Сен-Амбруаз») выступала знаменитая «Матрасница» 40 лет, с мужественным голосом. Когда она появлялась на трибуне, наступала мертвая тишина. Особенно яростно она выступала против церкви и против попов.

В клубе при церкви «Сен-Эдуа» выступала 58-летняя Тереза, одна из участниц восстания 1848 года, Катерина Рожиссар, участница женского батальона 12-го округа, гражданка Валанган, о которой говорили, что она 22 мая застрелила своего мужа за то, что он отказался идти на баррикады.

В клубе при церкви «Сен-Жан-де-О-на» выделялась 23-летняя Мария Гюйар, работавшая в лазаретах Коммуны. 27 мая, при расстреле заложников, она шла со знаменем. Она была приговорена версальцами к смерти.

В клубе «Нотр Дам де ла Круа» (в Медильмонтане) было много женщин-ораторов: Поль Менк (часто выступавшая и как председатель), Селестина Кларье (22 лет), приговоренная к смертной казни за участие в расстреле заложников тюрьмы, Рокотт, Франсуаза Спальман, жена сапожника, Клемантина Сюже, разносчица хлеба (арестованная, без суда расстрелянная версальцами), и др.

Парижский народ выдвигал из своей среды десятки и сотни замечательных людей, которые повседневно пропагандировали в массовом деле Коммуны и своей творческой революционной инициативой оказывали практическую помощь Коммуне в ее борьбе за пролетарскую диктатуру.

* * *

Регулярно действующие массовые организации парижского пролетариата в лице

клубов и народных собраний имели большое значение. Они сыграли огромную роль в деле объединения верных Коммуне элементов парижского населения. На клубные собрания являлось ежедневно 15—20 тысяч активных граждан столицы.

Клубы и народные собрания были теми пунктами, где пропагандировались декреты Коммуны и намечавшиеся ею мероприятия. Здесь сообщались все последние известия с фронта, из зала заседаний Коммуны и т. д. Это были те массовые организации, которые формировали общественное мнение вокруг Коммуны.

В клубах развертывались самокритика и общественный контроль над действиями Коммуны, над деятельностью ее руководителей. Клубы дружили, а иногда и очень сурово осуждали те или иные решения Коммуны; они поднимали перед Коммуной новые вопросы и предложения, выявляли настроения трудящихся масс Парижа.

Клубы обсуждали дела своего округа, контролировали деятельность членов муниципальных комиссий, работу местных батальонов Национальной гвардии. Во главе клубов стояли обычно хорошо известные в округе революционные деятели. Клубы были особенно нужны для укрепления местной работы в мэриях и округах Коммуны.

Таким образом, клубы в период Коммуны были одной из важнейших форм организации масс и выявления их нужд и требований.

Наряду с печатью клубы и народные собрания служили могучим средством активизации пролетарских масс, их приближения к политической жизни. Осуществляя связь Коммуны с широкими народными массами, они цементировали пролетарскую диктатуру.

Замечательные ораторы и организаторы, выступавшие в клубах и народных собраниях, лучшие сыны и дочери парижского пролетариата стремились направить эти массовые организации на борьбу за разрушение буржуазного государства, за победу пролетариата.

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна
вспоминания, документы, исследования, публицистика:

С. Красильников. Боевые действия Парижской коммуны

И. Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг.

А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны

Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели

Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина

И. Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны

П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г.

Э. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции

М. Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны. Коммуна в сердце Парижа

Фильм Питера Уткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.)

Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эти и другие материалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>